

единство внутренней структуры, единство в понимании роли и задач книгопечатного искусства, единство в оценке врагов типографского дела. Кроме того, имеют место прямые текстуальные заимствования. Так, например, в Послесловии Апостола 1564 г. имеется такой текст: «... прочие же вси растлени от преписующих ненаученых сухих и неискусных в разуме». В Послесловии львовского Апостола читаем: «Якожь обычаи есть злонаравных, и ненаученых, и неискусных в разуме человек».

Учитывая, что одно Послесловие написано в 1564 г. в Москве, а другое в 1574 г. во Львове, трудно предположить, что эти совпадения были результатом простой случайности. Естественнее думать, что оба Послесловия были написаны одним лицом. Послесловие 1574 г. носит ярко выраженный автобиографический характер. В нем встречаются такие подробности из жизни московского первопечатника, которые вряд ли были широко известны современникам.

Приведенные наблюдения позволяют утверждать, что автором этих Послесловий был Иван Федоров.

Послесловия других книг, изданных московским первопечатником, намного уступают и по объему и по значению. Написанные в разное время и в разных городах, они имеют много общего как между собой, так и с Послесловиями московского и львовского Апостолов. По-видимому, они также должны принадлежать перу московского первопечатника.

Если послесловия большинства книг, изданных Федоровым, носят вспомогательный характер и вне книг, в которых они помещены, существовать не могут, то Послесловия Апостолов 1564 и 1574 гг., являясь четкими и законченными по замыслу и композиции литературными произведениями, имеют полное право на самостоятельное существование.

С литературно-художественной стороны наибольший интерес представляет Послесловие львовского Апостола 1574 г. Трудно сказать, к какому жанру литературных произведений следует отнести это Послесловие. Несмотря на наличие определенных публицистических черт, настоящим публицистическим сочинением назвать его еще нельзя. Не является оно и автобиографией, хотя автобиографические моменты занимают в Послесловии весьма существенное место. В «Повести», как назвал автор Послесловие 1574 г., тесно переплетаются две сюжетные линии: история Львовской типографии и неразрывно связанная с ней трагическая судьба Ивана Федорова — великого русского гуманиста XVI в.

Иван Федоров чрезвычайно высоко ценил труд книгопечатника, образно сравнивая его с работой земледельца, от трудов которого кормятся все живущие. Он писал: «... имам убо въместо рала художество наручных дел съсуды, въместо же житных семен духовная семена по вселенней разсевати, и всем по чину раздавати духовную сию пищу». Эти слова Ивана Федорова приобретают особое значение в свете изучения недавно обнаруженного Букваря, изданного им в том же году во Львове.⁴

Необходимо учитывать обстановку, сложившуюся на Украине после заключения Люблинской унии 1569 г., чтобы понять, какое огромное общенациональное значение приобретала деятельность во Львове русской типографии, основанной московским книгопечатником. В период жесточайшей польско-католической агрессии, проводимой правящими кругами шляхетской Речи Посполитой, в период, когда на Украине закрывались русские церкви, запрещался русский язык, Букварь, изданный Федоровым,

⁴ R. Jakobson. Ivan Fedorov's Primer. — Harvard Library Bulletin, v. IX, Winter 1955, № 1, Cambridge, стр. 1—45, 12 листов таблиц; В. С. Люблинский. Выдающийся памятник русской культуры — львовский Букварь Ивана Федорова 1574 года — ИЮЛЯ, 1955, т. XIV, в. 5, сентябрь—октябрь, стр. 460—468.